

Аспирант СОИГСИ
А.В. Сичкарь

К вопросу переселения осетин в Турцию (1859–1863-годах)

А.В. Сичкарь

После окончания Кавказской войны и пленения в 1859 году Шамиля осетины-мусульмане вместе с другими мусульманскими народами Кавказа стали переселяться в Турцию. Этот процесс в исторической литературе связан с именем царского генерала Муссы Кундухова. Однако документы свидетельствуют, что переселенческое движение осетин началось задолго до 1865 года. Хотелось бы пролить свет на эту малоизвестную страницу истории.

Переселение, а по существу выселение горцев в Турцию, являлось общекавказской трагедией. Тревожной мыслью о переселении в Турцию, в связи с приближением трагического финала Кавказской войны и установлением тяжелого военно-колониального режима после падения Шамиля, было охвачено все мусульманское население края [1].

О тогдашнем состоянии умов осетинский поэт Инал Кануков писал: «Недовольные нововведениями после покорения Восточного Кавказа горцы хотели избавиться от них. С наивным доверием они слушали рассказы о том, как их детей скоро будут забирать в солдаты и как их будут крестить силою. Солдатчина, измена религии – самые большие вопросы у горцев мусульман» [2].

Особенно усердно стала переселяться Кабарда; усердие это проникло и в Осетию. Явились «фанатики», которые подняли за собой тысячи семейств и потянули их в страну, которую они также знали, как и Китай [3].

Отметим, что понятие о султанской Турции у осетин, как и у других горцев Кавказа, складывалось на основании ложных представлений. Они устремлялись в страну, которую ни один из них не знал, не представляя, какие ужасы постигнут их в этой неизвестной и чужой стране. Единственной исторической нитью, связывающей горцев Северного Кавказа с Турцией, являлась общность религии – магометанской веры, главой которой считался турецкий султан.

В основе стремления осетин к уходу в Турцию лежали, в основном, те же мотивы что и у других народов: с одной стороны, выселение с прежних мест, притеснения в земельном отношении, ненависть к новым порядкам колониального режима, угроза рекрутчины и тяжелых податей, и с другой – мнимая

надежда на лучшее счастье на «священной» земле.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что казаки Терской области получали значительно больше земли, чем горцы, а именно по 24 десятины на душу, а местные жители – 12–18 десятин на дым. Если семья горца в среднем составляла 10 человек, то получается, что казаки получали земли в 12–15 раз больше [4].

Говоря о причинах переселения, профессор Г. А. Дзагуров писал: «Причиной переселения горцев в Турцию нужно признавать глубокое хозяйственное потрясение их жизни под ударом тяжелого молота царской России» [5]. При этом ученый указывает на роль отдельных личностей.

Баделята, опасаясь расправы со стороны осетинского крестьянства, а также стремясь сохранить свои феодальные права и даровую рабочую силу, решили перебраться в Турцию. Скрывая свои истинные цели, они стремились увлечь за собой поддающуюся часть мусульманского крестьянства Дигории, играя на его религиозных чувствах путем распространения слухов о скором всеобщем и насильственном крещении мусульман, о рекрутчине, о громадных, непомерных податях и т. д.

Первое переселение осетин в Турцию произошло в 1859 году. Переселились, главным образом, некоторые привилегированные фамилии со своими подвластными крестьянами, в частности Тугановы и Абисаловы – из дигорских баделят, Кусовы и Козыревы из кардиусар [6].

Главой первой партии переселенцев осетин в 1859 году был Али-Мурза Абисалов. Ни точными, ни приблизительными данными о числе переселившихся в это время осетин мы не располагаем. Надо полагать, что с упомянутыми переселенцами в 1859 году ушла и незначительная часть осетинских крестьян-мусульман, в связи с сильно проявившимся стремлением части осетин к уходу в Турцию. Наиболее сильно оно проявилось в селении Магометановском (ныне Чикола). В декабре 1859 года жители Магометановского села подали прошение на имя генерала-фельдмаршала князя А.И. Барятинского (главнокомандующего Кавказской армией) об увольнении всего аульного общества в Турцию [6, л. 159].

Начальником военно-осетинского округа в 1859 году

был полковник Мусса Кундухов. Получив прошение жителей селения Магометановское, М. Кундухов нашел невозможным это переселение, так как опасался общего переселения жителей всего Военно-Осетинского округа, а также считал жителей этого аула полезными для Кавказского края и правительства Российской империи [6, л. 159].

На основании изложенного Кундуховым генерал А. И. Евдокимов решил просьбу жителей оставить без последствий. Таким образом, если Мусса Кундухов в 1859–1860 годах в целом был против массового переселения коренного населения региона в Турцию, то по части освобождения края от беспокойного, опасного царскому правительству населения вполне разделял взгляды кавказского командования.

Несмотря на запрет, из Магометановского аула выселились Тавказаховы, Хасановы и другие [6, л. 162].

Второе переселение осетин в пределы Османской империи произошло в 1860 году, и свершилось оно в несколько больших размерах, чем в 1859 году. Оно большей частью охватило тагаурцев, но были и дигорцы-мусульмане.

В течении 1859–1860 годов в Турцию переселилось осетин не менее 300–350 дворов, или до 3 000 душ обоого пола. Одних Кануковых переселилось до 10 дворов [6, л. 162].

Переселение осетин в 1860 году возглавили тагаурские алдары. Разумеется, не все горели желанием переселения в Турцию. Достаточно было одному влиятельному феодалу той или иной фамилии решить вопрос об уходе в Турцию, как своим давлением, при тогдашних родовых отношениях и родовых прежитках, принуждало к уходу многих близких родственников. Так было и с семейством поэта И. Канукова (давление со стороны брата отца).

Эмиграция части осетин в Турцию совпадает с периодом переселения туда же кабардинцев. Осетины (переселенцы 1859–1860-го года) поселились исключительно в Малой Азии и преимущественно в Карской области и прилежащих близко к Кагызману местностях [7]. Для поселения турецкие власти дробили семьи по 2–3 двора, что особо не нравилось переселенцам.

Вот как высказался о предложенных турецким правительством местах для поселения отец Инала Канукова, который был назначен поверенным от всех переселенцев осмотреть место, где приходилось им селиться, и узнать о доброкачественности и пригодности этих мест.

– Места скверные – народ собачий. Мы стремились сюда из родины, где нам было хорошо, сломя головы, – и вот мы в Стамбуле, у цели нашего многотрудного и несчастного пути, и что же мы видим в нем? Нам не приходится браться с турецким населением. Подумайте об этом серьезно, ради ваших детей. Если вернемся обратно на родину, то это не признак нашего малодушия, как это думают многие из нас, а это значит, мы желаем блага своему семейству, которое погибнет здесь среди такого народа;

лучше вспомните про своепривольное и счастливое житие на родине, которая нас опять радостно примет в свои объятия, как блудных сыновей и мы опять заживем по-старому. Потеряли многое – что делать? Это все следствие нашей глупости и доверчивости; теперь же опомнились, и ошибку еще не трудно исправить. Но помните, что если нас здесь будут селить отдельно по два–три семейства, то мы забудем друг друга и не будем знать, кто умирает из нас и кто живет, и уже из здешнего окружения ни одна душа не прольет печальную слезу и не проводит ваш прах до вашего последнего жилища – могилы.

– Я первый из тех, кто хочет ехать обратно – и к этому присоединилось еще 90 дворов [2, с.75–76].

«При первом известии о желании горцев Кавказа возвратиться назад правительство Российской империи признало необходимым принять всевозможные меры для воспрепятствования их намерению. По сношению об этом с Императорской миссией в Константинополе, князь Лобанов-Ростовский циркулярно предложил консульствам нашим на Востоке отказывать в прометке паспортов уроженцам Кавказского края, перешедшим в турецкое подданство и желающим возвратиться в отечество, чтобы стать снова российскими подданными.

Относительно же лиц, которые, несмотря на это воспрещение, найдут возможность вернуться на родину, правительству было угодно установить следующие правила: по прибытии таковых лиц в наши пределы арестовывать их и если окажется: а) что они принадлежат к покорным горным обществам Кавказа, немедленно ссылать их во внутрь России на поселение и б) если эти лица будут принадлежать к тем из горских обществ, которые находятся с нами во враждебных отношениях, то таковых задерживать в течении 3-х месяцев, для размена на наших пленных, находящихся в горах; по истечении 3-х месячного срока, если обмена не состоится, отсылать в Сибирь на поселение и в обоих случаях установленным административным порядком. Что же касается тех лиц, которые принадлежат к жителям Кавказа, и которые будучи уволенными в Турцию по различным причинам, и просрочив там свои паспорта, явятся на родину, то ежели они не представят свидетельства от консулов в продлении им отпуска, или уважительной причины просрочки паспортов, то таковых ссылать на поселение во внутрь России.

Лиц, возвращающихся на родину с паспортами еще не просроченными, следует пропускать беспрепятственно» [8. Д. 20, л. 27].

«Что касается офицеров, обманувшихся в своих надеждах при переходе в подданство Турции и вернувшихся на родину, искренне раскаявшись в содеянном, и представивших себя милосердию правительства Российской империи, было решено не подвергать их той ответственности, которую влечет за собой всякое оставление отечества. Но в то же время не счел справедливым и допустить, чтобы люди уже одиноким раз вознамерившиеся перейти в поддан-

ство другого государства и не исполнившие своего намерения, по каким-либо причинам, по возвращении в наши пределы пользовались теми же самыми преимуществами, какие ими были заслужены до отправления. Поэтому было решено всех офицеров из туземцев Кавказского края, возвратившихся обратно и просрочивших за границей отпуск, не прибегая к дальнейшему выяснению причин этого, считать уволенными со службы. А если они вновь пожелают вступить в российскую армию, то не иначе как низшими чинами, и вместе с тем лишенными прав на заслуженное ими прежде от казны содержание, пока вновь его не заслужат своей верою и усердной службой на благо отечества.

Между тем оказывается, что многие из туземных офицеров, отправляясь в Мекку, не имели в виду поселиться в Турции, и не только не просрочили своих паспортов, но и прибыли раньше. Но по этому приказу они исключались из списков военнослужащих и лишались заслуженного ими содержания. Многие из таких офицеров обратились с просьбами о возвращении офицерского звания и ходатайствовали о том, чтобы для тех, кто не просрочил свой паспорт и не продавал своё имущество на родине, не подвергались тому взысканию, которое определено для туземцев, отправлявшихся в Турцию на переселение» [8. Д. 26, л. 1–2].

В 1861–1863 году многие переселенцы вернулись в Осетию разочарованные милостью турецкого султана. Так, например, в ноябре 1861 года получили разрешение (а таковое получали не все): штабс-капитан Токаев с семейством из 14 душ, поручик Дударов, с семейством из 25 душ и не имеющий чина Исса Сурхаев с семейством из 5 душ. Конечно, не всегда возвращающийся мог быть водворен на прежнее место жительства, так как главный штаб разрешил командующему войсками Терской области поселять на прежних местах только тех из них, водворение которых будет признано возможным командованием [8. Д. 22, л. 46].

Интересно, например, прошение, поданное 1-го июня 1862 года прибывшими в Тифлис поверенными от переселенцев в Турцию Магомедом Хаблиевым, Цопаном Цаликовым, Хабушом Дударовым, о бедственном положении в котором находятся переселенцы 55 дворов осетин Владикавказского окру-

га, прибывшие ныне на границу близ Александрополя, с просьбой о дозволении им вновь поселиться в Терской области.

7 июня 1862 года командующий армией разрешил переселившимся разновременно в Турцию и изъявившим ныне желание возвратиться на родину 79 семействам, а именно 55 семействам осетин, 4 – чеченцев и 20 – кумыков, пропустить через пограничную линию и направить их отдельными партиями, по 10–12 семейств каждая, в город Владикавказ для поселения их на прежнем месте жительства.

В первой партии этих переселенцев были 15 семейств осетин:

Имена и фамилии	Число душ
1. Гусо Тогузов	19
2. Бизирко Тартиев	10
3. Гибиз Бигоев	4
4. Темирко Габанов	11
5. Касполат Кабали	7
6. Аслан Бигоев	4
7. Темир Бигоев	4
8. Мустафа Емариков	2
9. Мансур Хабилов	11
10. Бадур Гастуев	6
11. Узи Бигоев	16
12. Дзисо Сидиков	1
13. Сафари Минзиков	8
14. Кадек Минзиков	7
15. Магомед Минзиков	7

Всего 127 человек [8. Д. 24, л. 3].

(Из них 12 семей были поселены в ауле Заманкул и 3 семьи были поселены в селении Эльхотово) [8. Д. 24, л. 19]. Обращаю внимание на то, что имена и фамилии переселенцев записаны как в архивном документе.

Кавказские горцы – переселенцы, введенные в заблуждение различными туркофилами, главным образом состоятельными людьми и муллами, на практике убедились, как они жестоко были обмануты. Суровая действительность султанской Турции окончательно убедила горцев в том, что хотя в России и изменилась традиционная система их жизни, хотя и жилось им плохо под гнетом царизма и местных угнетателей, но от всего этого они не избавились и на чужбине, в Турции. Таким образом, султанская Турция перестала быть для горцев «меньшим злом».

Литература

1. **Тотоев М. С.** Переселение осетин в Турцию. ОРФ СОИГСИ, Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

2. **Кацуков И. Д.** В осетинском ауле. – Орджоникидзе, 1985. С. 61.

3. **Путевые записки от Александрополя до Эрзерума** // Кавказ. № 265. С. 2.

4. **Абрамов Я. К.** Кавказские горцы. – Краснодар, 1927. Вып. № 3. С. 5.

5. **Дзагуров Г. А.** Переселение горцев в Турцию. – Ростов на Дону, 1925. С. 3–7.

6. **Тотоев М. С.** Переселение горцев Северного Кавказа в Турцию. ОРФ СОИГСИ Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 158.

7. **Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах.** Научно популярный сборник (Сост. Чибиров. Л. А.). – Цхинвал, 1989. С. 220.

8. **ЦГА РСФСР Ф. 12. Оп. 5.**